

СОЦИОЛОГИЯ

Е. Ю. Колесникова¹

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ «СРЕДНЕГО КЛАССА»: КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Как известно, «средним классом» называется совокупность социальных слоев, занимающих промежуточное положение между основными классами в системе социальной стратификации. Этот класс характеризуется неоднородностью положения, противоречивостью интересов, сознания и политического поведения, вследствие чего многие авторы говорят о нем как о «средних классах», «средних слоях». Господствующий методологический подход к анализу среднего класса всегда вытекал из особенностей развития общества на том или ином этапе, прямо отражая эволюцию самого среднего класса по мере перехода от одной эпохи к другой (раннеиндустриальная → индустриальная → позднеиндустриальная → постиндустриальная). И уже на этот базовый каркас, определявший господствовавшую в тот или иной период теоретическую парадигму исследования, в зависимости от целей и приоритетов конкретного исследователя, накладывались конкретные методологические и методические подходы.

Чаще всего в литературе возникновение массового среднего класса как особого социального субъекта связывается с переходом западных стран к позднеиндустриальному обществу уже в XX в. Этот переход привел к значительному расширению тех слоев населения, которые нельзя было отнести ни к бедным, ни к богатым. Индустриализация, рост производства потребовали большого количества квалифицированных работников и экспертов. Укрупнение производств и возникновение акционерных обществ привело к появлению новой категории работников – менеджеров. Развитие социальной инфраструктуры, систем образования и здравоохранения отразилось в росте численности социальных групп врачей, учителей и т. п. Расширению среднего класса способствовало и развитие третичного сектора. Все эти процессы, наложившись друг на друга, привели к тому, что в обществе появилась новая массовая категория населения, которую в дополнение к ремесленникам, торговцам и прочей мелкой буржуазии также начали обозначать термином «средний класс».

Возникновению массового среднего класса в первой половине XX в. в Западной Европе и США способствовали изменения в структуре и формах организации промышленного производства, развитие третичного сектора эко-

¹ Колесникова Елена Юрьевна, к.с.н., доцент, кафедры теории социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ.

номики как массового и изменение как модели государства в целом, так и реализуемой им социально-экономической политики в частности.

Представители этого нового класса, получающего доходы не только за свой труд, но и на ранее произведенные инвестиции (инкорпорированные, как в случае человеческого капитала, характеризующего менеджеров, профессионалов и полупрофессионалов, или легко отчуждаемые и существующие в виде более традиционных видов капитала, как у представителей «старого» среднего класса), сами ощущали особенность своего положения в обществе и характеризовались спецификой их самоидентификаций. В этой связи следует отметить, что выделение среднего класса по методу самоидентификации, правомерность которого активно обсуждается в последние годы российскими социологами, особенно широко использовалось в истории изучения среднего класса за рубежом.

Формирование во второй половине XX в. государств с социально-ориентированной экономической политикой сделало профессиональное образование гораздо доступнее. Кроме того, оно во многом обусловило быстрый рост сектора социальных услуг (здравоохранения, образования, культуры, рекреации и т. д.) с высокой долей рабочих мест, предполагающих принадлежность занимающих их работников к среднему классу.

Характеризуя объективные предпосылки расширения среднего класса в тот период, следует подчеркнуть также, что хотя функции, связанные с администрированием и распространением произведенной продукции расширялись быстрее, чем само по себе производство, но даже в промышленности численность «синих воротничков» росла медленнее, чем численность различных типов «белых воротничков». В итоге в 1960-е гг. доля традиционных отрядов рабочего класса в структуре занятого населения во всех индустриальных странах резко упала, но столь же быстро выросла доля занятых в сфере услуг служащих и работников умственного и нефизического труда.

Следствием всех этих объективных процессов стало то обстоятельство, что в послевоенной Европе численность среднего класса сначала была сопоставима с численностью рабочего класса, а затем под влиянием продолжающейся структурной перестройки экономики и активной социальной политики многих европейских государств – и превзошла его. В связи с этим, на Западе в тот период возникли и продолжают до сих пор конкурировать две концепции: одна – о резком расширении и, в итоге, доминировании среднего класса в обществах зрелого индустриализма и постиндустриализма, другая (предложенная ортодоксальными марксистами) – о смещении границ рабочего класса и вхождении в его состав в качестве автономных слоев служащих и значительной части техников и инженеров. При выделении среднего класса на основе тех или иных социально-профессиональных статусов в состав «нового» среднего класса обычно включались группы менеджеров, работников науки, СМИ, административных, торговых и инженерно-технических работников

предприятий и т. д. Главным «водоразделом» между «старым» и «новым» средним классом выступало для первого – наличие собственности на средства производства, а для второго – значительного человеческого капитала.

Постепенно происходившее в западных обществах размывание среднего класса находило адекватное отражение в дальнейшем развитии концепции среднего класса и методологии его анализа. С 1980-х гг. в западной социологии все чаще говорится уже не о среднем классе, но о «средних классах» или «средних слоях», рассматриваются не только «старый» и «новый» средний классы, но и, например, «белые», «розовые» и «синие воротнички», и, наконец, профессионалы – элита нового среднего класса, обладающая уникальным человеческим капиталом. Внутреннее многообразие тех слоев общества, которые не относятся ни к богатым, ни к бедным, их неоднородность не позволяют рассматривать их как единый социальный субъект.

При этом, при всей специфике использовавшихся индикаторов постепенно происходит все большая конвергенция исходных теоретических оснований для выделения среднего класса, среди которых все большую роль начинали играть властный и квалификационный ресурсы, определявшие с учетом их различных комбинаций и специфику позиций человека в системе классовых позиций. В итоге это привело к изменению дискурса дискуссии, ведущейся вокруг среднего класса, и постепенному его смещению к анализу структуры ресурсов, которыми располагают его представители. Так, автор одной из наиболее известных работ по среднему классу последних двух десятилетий М. Севедж, работающий фактически в рамках ресурсного подхода, выделял три категории среднего класса, отличающиеся типами располагаемых ресурсов, – предприниматели (обладающие экономическими активами), менеджеры (обладающие властными, административными активами) и профессионалы (обладающие культурными активами) [1, с. 32].

И если состав «старого» среднего класса, с его точки зрения, не сильно изменился в большинстве развитых стран за последнее время, хотя его дальнейшая судьба и вызывает неоднозначные оценки, то «новый» средний класс меняется, причем постоянно и достаточно сильно, дифференцируясь внутри себя: часть его представителей выполняют рутинную работу, требующую невысокой квалификации и допускающую небольшую степень автономности (одного из важнейших, с точки зрения ряда исследователей, признаков среднего класса), другая же часть обладает уникальным человеческим капиталом, и их работа характеризуется высокой степенью автономности. Причем последние – группа высших менеджеров и профессионалов – также значительно изменились за вторую половину XX в., а их роль в социальной структуре общества заметно возросла. И именно на нее сместился в последнее время интерес зарубежных, а отчасти и российских исследователей проблематики среднего класса. Хотя эта группа по-разному называется исследователями, признаки ее представителей определяются ими схожим образом: высококвалифицированные работни-

ки умственного труда, обладающие особыми, уникальными знаниями, что отличает их от других специалистов умственного труда.

С переходом к постиндустриальному типу развития важнейшим критерием принадлежности к среднему классу становится образование. Не только образовательный ценз для среднего класса выступает важнейшим стратификационным ситом, фундаментальной предпосылкой восходящей мобильности, но и средний класс становится чуть ли не единственным полигоном для развития образования как общественного института.

Современная система образования – источник формирования и главный гарант сохранения и воспроизводства пространства «социальной срединности». Поэтому ценности и нормы среднего класса являются отраженным состоянием преобладающих культурных тенденций и репрезентативного типа культуры в системе образования [2, с. 119–126].

В этом смысле в современном обществе образование существует скорее во имя среднего класса, а сам средний класс является порождением современной образовательной системы. Но в то же время и наоборот: средний класс поддерживается в своем виртуальном качестве во имя институциональных целей современной системы образования. На поле среднего класса образование утрачивает свое чисто инструментальное предназначение и выступает самостоятельным ресурсом по отношению к человеку (репродуцируя этос среднего класса), т. е. через средний класс образовательные институты современного общества служат своим властно-институциональным целям и интересам.

Нестандартность (как принцип построения системы образования) будет способствовать формированию в России нового среднего класса. Эта гипотеза основана на понимании кардинально изменившейся роли образования в воспроизводстве современного общества и его структуры.

Когда речь идет об изменении роли образования в России, имеется в виду, прежде всего, способность институтов образования повлиять на социогенез среднеклассовой солидарности новых профессиональных слоев российского общества в начале наступившего столетия.

Быть средним классом в постиндустриальном обществе означает, прежде всего, понимание и реализацию так называемой «индивидуальной биографии» как «проекта». С этим связана и трансформация образовательной системы с преобладанием в ней индивидуальных маршрутов, персонификация образования и т. д. То есть, вероятно, нестандартность системы образования будет способствовать формированию нового среднего класса.

Теоретические предпосылки для осмысления нового качества взаимодействия внутри системы «образование – социальная структура» содержатся в рамках методологии ресурсного подхода к изучению среднего класса. Одна из основополагающих характеристик этого подхода – наличие символического или культурного капитала, составной частью которого является достаточно высокий уровень образования. В соответствии с концепцией одного из авторов

данного подхода Пьера Бурдьё, социальные агенты, занимающие различные позиции в поле классовых отношений, ведут борьбу за монопольное право на законное обозначение существующих реалий. При этом обладатели символического капитала оказываются в более выгодном положении посредством официальных гарантий и юридического обоснования через официальное признание этого символического капитала. Официальное признание выражается через присвоение звания, степени, титула и является одним из наиболее типичных способов демонстрации исключительного права государства на символическое насилие. Так, диплом о среднем или высшем образовании представляет собой частицу общепризнанного и гарантированного символического капитала, действительного на любом рынке [3, с. 173–174]. Роль государства в данном случае заключается в кодификации, установлении официальных номинаций. При участии государства происходит иерархическое распределение агентов по позициям. В свою очередь, агенты стремятся получить максимально большую символическую прибыль от номинации. Так, например, они могут отказываться от гарантированного для определенной должности денежного вознаграждения с целью занять позицию, менее оплачиваемую, но более престижную; или обратиться к позиции, название которой более расплывчато, чтобы избежать эффекта символической девальвации.

Все эти процессы взаимодействия образования и общества отражаются на воспроизводстве среднего класса. Средний класс все в большей мере становится зависим от доступа к профессиональной занятости как средству воспроизводства социального статуса и привилегированных жизненных стилей между поколениями. Поэтому средний класс постоянно увеличивает культурный капитал с помощью системы образования, исходя из потребности приобретать дипломы элитных школ, колледжей и университетов, так как работодатели создают бюрократические препоны при найме на работу и в дальнейшем при должностном продвижении. Соответственно, все более значимой становится статусно-престижная функция образования, заключающаяся в потребности приобретения индивидом престижного диплома, престижной специальности и т. д.

Неотъемлемым признаком «гибкой карьеры» является ее ненадежность. Больше не стоит вопрос о получении доступа к высшим должностям, скорее речь идет о поддержании занятости, о приспособлении к внутреннему и внешнему рынку труда посредством приобретения валидных дипломов, с помощью социальных контактов и связей. В этой связи ожидается увеличение значения дипломов в качестве страхующего средства. Этим объясняется и увеличение потребности в последипломном образовании. Социальный статус и безопасность видятся еще более надежными через приобретение культурного капитала, особенно посредством обучения в престижном институте.

Можно констатировать, что в современном мире образование выполняет функцию социальной защиты, в том числе с помощью символических благ

(диплом, сертификат, аттестат и т. п.) индивида от возможных неудач на жизненном пути. Не случайно поэтому А. Турен отметил, что в постиндустриальном обществе инвестиции производят в большей степени не материальные блага и даже не «услуги», а блага символические, способные, в свою очередь, изменить ценности, потребности, представления; а значит и повлиять на социальный статус человека, траекторию его социальной мобильности [4, с. 136].

В современных условиях образование все в большей мере выполняет функцию адаптации к профессиональным и социальным изменениям. И именно в этом качестве оно становится ареной социальных конфликтов, поскольку все большее количество субъектов социальной жизни конкурируют между собой за право обладать престижными дипломами.

Таким образом, не отрицая важности вопроса доходов, более того, признавая, что этот критерий действительно имеет статус первого среди равных в числе прочих факторов, все же подчеркнем: рост среднего класса отнюдь не исчерпывается ростом оплаты труда и доходов населения. Возможности этого роста формируются под сильнейшим влиянием целой системы экономических, социальных, финансовых, политических и гражданских институтов, прежде всего – образования.

Литература

1. Savage M. et al. Property, Bureaucracy and Culture: Middle-class Formation in Contemporary Britain. NY: Routledge, 1992.
2. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб: Речь, 2010.
3. Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio - Logos 96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Рос. Академии наук. М., 1996.
4. Турен А. Возвращение человека действующего. М: Научный мир, 2011.